

УДК 930.1(09)(571.6+73)«199-200»

DOI: 10.17748/2075-9908-2018-10-3/1-114-123

ЧЕРНОЛУЦКАЯ Елена Николаевна
Институт истории, археологии и этнографии
народов Дальнего Востока, Дальневосточное
отделение РАН
г. Владивосток, Россия
chvalery@mail.ru

Elena N. CHERNOLUTSKAIA
Institute of History, Archaeology and Ethnology
of the Peoples of the Far East, Far Eastern
Branch of the Russian Academy of Sciences
Vladivostok, Russia
chvalery@mail.ru

**АНГЛОЯЗЫЧНАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ О
ПОЛИТИЧЕСКИХ ТРАНСФОРМАЦИЯХ НА
ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ РОССИИ
В 1990 - НАЧАЛЕ 2000-х гг.**

**ENGLISH LANGUAGE HISTORIOGRAPHY ON
POLITICAL TRANSFORMATIONS IN THE RUSSIAN
FAR EAST IN THE 1990S - EARLY 2000S**

Современная внутривластная история Дальнего Востока России слабо освещена в англоязычной историографии. Из последних 30 лет определенному анализу западных экспертов подвергался период 1990-х - начала 2000-х годов, когда в российском обществе происходили бурные трансформации. Их научное осмысление практически шло в режиме реального времени, что накладывало ограничения на постановку проблем, глубину их анализа, использованные источники. Вопрос о трансформации власти на Дальнем Востоке рассматривается главным образом в рамках концепции центр-периферийных отношений. В работах Р. Валианта, Ф. Чанга, С. Дэвис и др. раскрывается политика Москвы по контролю региона и тактика региональных лидеров, пытавшихся сократить этот контроль. Такие взаимоотношения характеризуются в тесной связи с развитием федерализма в РФ и его «асимметричностью». В публикациях отражена эволюция региональной политической элиты, смена типов губернаторов - от «гуманитариев» к «промышленникам» и представителям политических партий, даны политические портреты дальневосточных губернаторов, значительное внимание уделяется криминализации власти (Р. Орттунг и др.). Особый тип региональной власти эксперты связывают с победой на губернаторских выборах 2000 г. трех «ресурсных олигархов», в том числе Р. Абрамовича на Чукотке, что оценивается в публикациях как «административная революция», переход к корпоративному управлению, при котором все ветви власти в регионе концентрируются в руках представителей крупной ресурсной корпорации (Н. Томпсон, Д. Андерсон).

The modern political history of the Russian Far East is poorly covered in English language historiography. Of the last 30 years, Western experts subjected to a certain analysis the period of the 1990s-early 2000s, when the Russian society underwent rapid transformations. Their scientific comprehension practically went in real time, that imposed restrictions on the formulation of problems, the depth of their analysis, the sources used. The issue of the power transformation in the Far East is considered mainly within the framework of the concept of center-peripheral relations. The works of R. Valiant, F. Chang, S. Davis, and others reveals Moscow's policy to control the region and tactics of regional leaders trying to reduce this control. The authors describe such relations in close connection with the development of federalism in the RF and its "asymmetry". The publications reflect the evolution of the regional political elite, the change of types of governors - from "humanitarians" to "industrialists" and representatives of political parties, describe the political portraits of the Far Eastern governors, much attention is paid to the criminalization of power (R. Orttung, etc.). A special type of regional power is highlighted by experts in connection with the victory of three "resource oligarchs" in the 2000 gubernatorial elections, including R. Abramovich in Chukotka, that is estimated in the publications as an "administrative revolution", the transition to corporate governance, in which all branches of power in the region are concentrated in the hands of representatives of a large resource corporation (N. Thompson, D. Anderson).

Ключевые слова: англоязычная историография, власть, политические трансформации, центр-периферийные отношения, Дальний Восток России, постсоветский период

Keywords: English language historiography, power, political transformations, center-peripheral relations, Russian Far East, post-Soviet period

Активность в изучении истории российского Дальнего Востока (РДВ) зарубежными исследователями в разные периоды обуславливалась, прежде всего, местом и ролью РДВ в Азиатско-Тихоокеанском регионе, наличием факторов, определяющих его силу и слабость в международном контексте. В позднесоветский период главным источником его силы Запад считал сосредоточенные здесь военные контингенты, в экономической сфере наибольший интерес вызывало ускоренное развитие восточных районов СССР, особенно реализация мега-проекта по строительству БАМ. Слабость же Дальнего Востока эксперты единодушно видели в его положении ресурсной периферии страны, высокой зависимости от союзного бюджета и решений союзных министерств. Поэтому в годы перестройки

в англоязычных публикациях наиболее часто дискутировался вопрос о том, смогут ли реформы повысить экономическую и политическую самостоятельность Дальнего Востока, в том числе в расширении его связей со странами Тихоокеанского бассейна [подробнее см.: 1].

Развал СССР и появление нового государственного образования в виде Российской Федерации обозначили новый этап как в истории самого Дальнего Востока, так и в его научном осмыслении западными коллегами. В 1990-е годы их интерес к периферии ослабленной страны резко снизился, да и сама англоязычная школа русистики переживала не лучшие времена. Но в тех немногих трудах, которые продолжили изучение региона на современном этапе, объединяющей «сверхзадачей» остается выявление геополитических позиций РДВ, его места и перспектив участия в международной экономике и политике.

Такая нацеленность определила специализацию исследований: в основном это работы международников, политологов, экономистов, а также междисциплинарные труды с их участием и, как правило, отраслевым подходом, в рамках которого анализируются миграции, торговля, транспорт, природные ресурсы, ВПК и т.д. В большинстве таких изданий представлен международный коллектив авторов, включая российских. Наиболее подробно из последних 30 лет изучен период 1990-х годов, по которому оценки экономического развития региона со стороны зарубежных и российских авторов совпадают, и они однозначны - упадок и деградация; некоторая положительная динамика выявлена лишь в добыче углеводородов на Сахалине, где участвуют иностранные инвесторы, а также во взаимоотношениях со странами АТР. Однако способность Дальнего Востока получить из этого выгоду для повышения качества жизни собственного населения экспертам не была очевидной [2; и др.].

Вместе с тем определились и некоторые позиции англоязычной историографии по проблемам внутренней политической истории региона в конце XX - начале XXI в., развивавшейся под прессом российских радикальных реформ. Именно анализ данного направления с выделением основных концептуальных выводов и является целью нашей статьи.

Стоит отметить, что фундаментальных обобщающих исследований по этой проблематике, охватывающих весь современный период со времени образования РФ, в литературе найти сложно. Имеющиеся публикации, являясь откликом на недавнее прошлое, рассматривают, как правило, относительно короткие (для исторической науки) этапы протяженностью не более 10-15 лет и анализируют лишь некоторые аспекты. Расширение хронологии и тематики исследований идет параллельно развитию самих изучаемых процессов, и ученые в этих условиях чаще всего выступают в роли комментаторов текущих событий.

Политические процессы 1990-2000-х годов в регионе с разных позиций академической науки раскрывали политолог Р. Валлиант (директор «Центра России в Азии» Гавайского университета, США), полярный антрополог Н. Томпсон (Канада), собиравший материалы для диссертации на Чукотке, и др. Но в целом в данном направлении, как в случае с экономическим и международным, ведущим мотивом была необходимость понимания актуальных событий для использования в практической деятельности разными специалистами. Об этом свидетельствуют должностные позиции некоторых авторов, чьи работы мы рассмотрим ниже. Например, С. Дэвис - профессор Университета Денисона (штат Огайо, США) и адъюнкт-профессор школы специальных операций Военно-воздушных сил [3, задняя обложка], Дж.К. Молц - доцент кафедры национальной безопасности Военно-Морской аспирантуры, бывший штатный сотрудник Конгресса США [4, с. IV]. Ф.К. Чанг - старший научный сотрудник Института внешнеполитических исследований (Филадельфия, США), главный стратегический директор прогнозной аналитической компании в сфере национальной безопасности и здравоохранения, ранее работал старшим планировщиком и офицером разведки в Министерстве обороны США и бизнес-советником в Mobil Oil Corporation [5]. М. Галеотти (Килский университет, Великобритания) и Р. Орттунг (Американский университет, Вашингтон, США) являются специалистами по российской и транснациональной преступности и коррупции [6, с.V; 7, с. 68].

В целом ситуацию в англоязычной историографии можно сравнить с «мозаичным» полотном, в совокупности отражающим общий образ современного Дальнего Востока России в его понимании западным научным сообществом.

Со времени проведения политических реформ России конца 1980-х - начала 1990-х годов центральное место в работах специалистов по внутренним проблемам региона занимает вопрос о власти, который рассматривается главным образом в рамках концепции центр-периферийных отношений. Значимость этого подхода емко выразил Р. Валлиант, отметив, что «политические отношения между Москвой и Дальним Востоком - гораздо больше, чем только между этими двумя акторами. Это связано со способом Москвы контролировать провинции, и, в свою очередь, способом провинций пытаться сократить контроль с помощью угроз и лести» [8, с. 3].

Этот автор одним из первых (1997) в англоязычной литературе дал подробное описание шаткого противостояния между Москвой и Дальневосточными регионами на начальном этапе существования Российской Федерации, когда Б. Ельцин искал в регионах поддержки, используя многочисленные поездки - свои и членов правительства - в края и области Дальнего Востока, где местным политическим лидерам и чиновниками давались широкие обещания в ответ на лояльность. Но наиболее важными инструментами воздействия на регионы Валлиант называет три: право президента назначать и увольнять губернаторов, наличие представителя президента в каждом крае и области, контролирование Центром региональных финансов в самом широком смысле [8, с. 3-8].

В исследовании также показано, что со своей стороны региональная элита старалась заполучить определенную степень самостоятельности и в начале 1990-х годов занимала все более сильные позиции, что выражалось в деятельности наиболее активных губернаторов, а также в попытках их консолидации в форме региональных Ассоциаций субъектов Федерации, среди которых в 1990 г. была создана и Дальневосточная (ДВА). Ассоциации позиционировались как экономические, однако принимали на себя и некоторые политические функции, например, подписав соглашения с правительством, Советом Федерации и Государственной Думой по разграничению полномочий между федеральными и местными органами власти. Влияние на решение политических вопросов, - замечает автор, - облегчалось тем, что большинство руководителей регионов, входящих в ассоциации, являлись членами Совета Федерации, например, из ДВА это были М. Николаев (Республика Саха), Е. Наздратенко (Приморский край), В. Ишаев (Хабаровский край), С. Леушкин (Корякский АО), Е. Краснояров (Сахалинская область) [8, с. 11-12].

Обсуждая тенденцию усиления самостоятельности региона, западные коллеги не могли не остановиться на феномене так называемого сепаратизма на Дальнем Востоке, нашедшего воплощение в идее создания Дальневосточной Республики, которая имела исторический прообраз в виде ДВР эпохи Гражданской войны. Валлиант приводит краткий очерк появления разговоров о «независимом» Дальнем Востоке во время выборов в 1989 и 1990 гг., подхваченных затем новыми политическими игроками - народным движением «ДВР 90», Свободной партией Дальневосточной Республики, губернатором Сахалина В. Федоровым, пытавшимся защитить Курилы от территориального передела с Японией [8, с. 15-17].

Несмотря на большой шум в России и на Западе вокруг «дальневосточного сепаратизма», общая оценка исследователей сводится к тому, что такие действия являлись не реальной основой для отделения Дальнего Востока от России, а лишь способом давления на Москву в целях решения острых региональных проблем, в основном экономических (в работах используются такие оценочные эквиваленты, как «дипломатия запугивания», «политическая уловка», «заигрывание с идеей суверенитета» и т.п.). Аналитики пришли к выводу: если некоторые дальневосточники и поддерживали идею ДВР, то думали о ней в том же смысле, как о Республике Саха, существующей в составе Российской Федерации. Большинство жителей региона никакого интереса к независимости Дальнего Востока не проявляли, и для этого существуют объективные причины: отсутствие в регионе этнических противоречий (подавляющее большинство дальневосточников - русские, патриотично настроенные и не желающие видеть свою страну расчлененной), необходимость

поддержания пограничной безопасности, потребность в экономической поддержке со стороны Центра, разобщенность дальневосточных субъектов РФ и др. [8, с. 16-17; 9, с. 263-264; 3, с. 131].

В публикациях конца 1990-х годов подмечено, что в отношениях с Центром дальневосточные регионы не сумели воспользоваться своими сильными позициями, и одной из причин были разногласия, ослабляющие их. Акцент в работах сделан на том, что в России существовала объективная основа конкуренции, которая заключалась в конституционном неравенстве между республиками, областями и краями, автономными округами - то, что в науке называют «асимметричным федерализмом» [8, с. 9; 3, с. 2, 30].

Специалисты обратили внимание на разницу в тональности исследований данного феномена применительно к России и другим странам. Как пишет М. Бёрджесс (Великобритания), различия в статусе и правах субъектов Федераций не новое явление в истории (примеры: Канада, Бельгия, Германия, Индия) и время от времени обсуждается в литературе, не привлекая особого научного внимания. «Однако в контексте Российской Федерации резкое появление из хаотической ситуации в первые годы соперничества Ельцина и Горбачева дало ему дурную славу» [10, с. 46].

Асимметричный федерализм побуждал региональных акторов выдвигать требования и вести торг с Центром за лучшие условия. Особенно острыми были вопросы уровня федеральных налоговых отчислений и права собственности регионов на природные ресурсы в пределах своих границ. На Дальнем Востоке губернаторы В. Ишаев и Е. Наздратенко потребовали тех же «экономических прав, какими уже пользовались двадцать так называемых внутрироссийских республик» [9, с. 258].

Другую сторону этой медали зарубежные авторы видят в том, что взаимоотношения с Москвой во многом были основаны на блате и связях, взращивании влиятельных покровителей в центральной бюрократии. В споре «за кусочки небольшого и сжимающегося пирога» развернулась «грызня» между регионами [3, с. 2, 30; 9, с. 258, 280; 11, с. 79, 100].

Но местные чиновники так и не смогли вырвать у Центра контроль над своими ресурсами и бюджетом. Из регионов Дальнего Востока только Саха (Якутии) с ее статусом «этнической республики» удалось заключить двусторонний договор 1995 г. с Москвой, дающий ей власть и контроль над ее алмазами, минеральными богатствами и большей частью доходов [3, с. 130; 12, с. 188]. М. Галеотти пришел к выводу, что Москва просто «тихо узаконила» одностороннее решение Саха (Якутии), и это можно рассматривать не только как практическую политику Центра по торможению фрагментации страны, но и признаком «тектонического политического дрейфа» в сторону отхода Азиатской России от унитарного государства, как в Великобритании и США [7, с. 68].

К началу 2000-х годов накопленный фактический материал позволил западным исследователям дать определенные теоретические обобщения. С. Дэвис в своей монографии (2003) анализирует политические процессы на Дальнем Востоке в тесной связи с тремя стадиями развития федерализма в РФ, давая им следующую характеристику.

1) 1991-1992 гг. Фаза суверенитета, который в определенной форме декларировали большинство регионов и выставляли требования Москве. Однако Б. Ельцин удерживал значительный контроль над политической и экономической жизнью регионов, назначал губернаторов.

2) 1993-1999 г. Фаза власти региональных правительств. У региональных лидеров были развязаны руки, поскольку Москва и старый правящий класс (номенклатура) были заняты иным - борьбой за лидерство и строительством собственного благосостояния путем приватизации, кражи государственного имущества и т.д. В 1995-1996 гг. Ельцин разрешил всем российским регионам провести выборы губернаторов. При этом ключевые структуры, связанные с бюджетом и налогами, достаточно прочно оставались под контролем Москвы.

3) С 2000 г. - стадия рецентрализации. В. Путин начал забирать власть у регионов. В 2004 г. возвращен принцип назначения губернаторов президентом. К тому времени борьба за богатство и ресурсы в основном закончилась. Олигархи превращают свои ком-

пании «в действительно национальные и мощные корпорации, которые также смещаются в российские регионы, что тоже служит уменьшению местной власти и прерогатив».

Суммарный результат этого федерального процесса Дэвис видит в том, что российские регионы, включая десять субъектов на Дальнем Востоке, снова становятся все больше подчиненными Центру. «Путинское правительство выбрало единство вокруг федерализма и работает для обеспечения этого» [3, с. 129-130].

Схожие оценки мотивам и последствиям рецентрализации дают и другие авторы. Так, М. Берджесс считает, что, решая проблемы исторического наследия, В. Путин попал между молотом и наковальней. Его главная задача - обеспечить, чтобы Россию не постигла та же участь, что и Советский Союз, и с этих позиций асимметричный федерализм нельзя поощрять. Но он отчаянно пытается удержать объединение Федерации все более принудительными и недемократическими средствами, какими бы временными они ни были. В результате, по мнению автора, скорее консолидируется авторитарный режим, чем конституционное государство [10, с. 46].

На взгляд Д. Слайдера (США), ликвидация Путиным губернаторских выборов означает, что региональные интересы не находятся на первом месте. Для Кремля федерализм и демократия - это роскошь, которую Россия не может себе позволить на настоящем этапе политического развития. Такая форма демократического федерализма не является ни демократической, ни федералистской. Автор уверен, что чрезмерная централизация и перекладывание ключевых решений на Центр делает Россию более, а не менее уязвимой, поскольку за все будет отвечать только Центр, а губернаторы попадают под отчетность только Путину [13, с. 116, 117].

Определенный интерес западных ученых вызвала эволюция верхушки региональной политической элиты, проходившая в условиях формирования новых реалий постсоветского периода.

Р. Валлиант, изучив материалы российских СМИ, резюмировал, что в первой половине 1990-х годов на посту губернаторов в регионах в соответствии с назначениями Б. Ельцина сменилось два разных типа людей. Первую группу он называет «гуманитариями», в число которых входили журналист А. Кривченко в Амурской области, ученые В. Федоров на Сахалине и В. Кузнецов в Приморском крае. Автор считает их переходными фигурами. Они не были настоящими политиками, но «поверили в новые пути», благодаря им Дальний Восток стал более свободным и демократичным местом, выработал новый менталитет и основу для новой экономики. Однако им не удалось добиться сколько-нибудь явных успехов. Так, Федоров, кабинетный экономист из Москвы, отправился на Сахалин, чтобы провести большой экономический эксперимент. Но дела при нем шли «от плохого к худшему». А Кузнецов в Приморье был подвергнут критике за провалы в экономике и свои многочисленные зарубежные поездки.

В 1993 г. Б. Ельцин привел на эти посты другой тип региональных руководителей - «промышленников», имевших опыт руководящей работы в рыбной (Е. Красноярров, Сахалин) и горной (Е. Наздратенко, Приморье) промышленности, экономике и финансах (А. Сурат), геологоразведке (В. Полеванов, оба последних - Амурская область). Новая группа губернаторов также не обладала профессионализмом политиков, но отличалась большей консервативностью. Предполагалось, что они заставят экономику своих регионов снова прийти в движение. Однако и их результаты оказались не лучше [8, с. 15-17].

В литературе 1990-х годов «по горячим следам», также в основном на базе газетных публикаций, представлены портреты дальневосточных губернаторов, сквозь призму которых выявлены типичные черты власти того времени, когда, по словам Ф. Чанга, преступность и коррупция стали «синонимами демократических и рыночных реформ» [9, с. 108].

Н. Томпсон описывает катастрофическое состояние Чукотки в 1990-е годы, ставшей самым депрессивным регионом России, в котором шесть лет не выплачивалась зарплата оленеводам, ряд населенных пунктов оставались без тепла, воды и электроэнергии в течение многих лет, голод угрожал большей части сельского населения. Все это десятиле-

тие, - отмечает автор, - Чукотский автономный округ возглавлял губернатор А. Назаров, который вместе со своей кликой был обвинен в хищении бюджетных средств и федеральных «золотых кредитов», предоставленных для возобновления региональной золотодобывающей промышленности [14, с. 142-143].

Плеяду «промышленников» олицетворяла наиболее скандальная из дальневосточных губернаторов фигура Е. Наздратенко в Приморском крае, привлекая наибольший интерес Запада как со стороны прессы, так и исследователей. По словам М. Галеотти, он является «классическим примером российского регионального политического силача». С момента его переизбрания в декабре 1995 г. он стал все более «болезненным шипом» для Москвы, отстаивая приоритет местных интересов перед центральными и, по мнению его критиков, возглавляя растущую империю легального и криминального бизнеса. Он создал местную элиту, обязанную ему своим положением, и получил определенную степень личной поддержки, с помощью чего мог угрожать центральной власти недоверием при голосовании на выборах. Наздратенко завоевал себе репутацию защитника местных интересов тем, что «в своей партизанской войне против Москвы» поставил два главных вопроса: невыплаченные зарплаты и территориальные уступки со стороны России при проведении демаркации границы с Китаем, а также готовность московской элиты решить вопрос о южных Курилах в пользу Японии. Позицию приморского губернатора по второму вопросу Галеотти оценивает в таких терминах, как «мощный символ русского национализма», «популистский и напыщенный русский национализм» [7, с. 63, 68].

Характеристику драматичной атмосферы периода власти Наздратенко дает Ф. Чанг: «Политическая борьба на РДВ была громогласной, а порой и жестокой. Некоторые политические бои носили явно личностный характер, распространилась политическая вендетта, и регион в целом демонстрировал характеристики режима грубой демократии, смешанной с сильным элементом авторитаризма... Наздратенко запугивал местную прессу, делал популистские выпады против соседнего Китая и боролся с приватизацией и реструктуризацией местных фирм. Он манипулировал ценами на коммунальные услуги для того, чтобы обогатить дружков и посредников, когда шахтеры и местные электростанции нищали, и возглавлял взяточничество и преступность, значительные даже для России, все это время обвиняя Москву за все - от отключений электроэнергии до невыплаченной заработной платы. Москва, в свою очередь, не решалась отправить больше денег, поскольку трансферты сопровождались шокирующим отчетом о том, что они терялись, как только достигали края» [9, с. 261].

В большинстве зарубежных публикаций о политической ситуации Приморья тех лет неременной иллюстрацией выступает ожесточенный конфликт Наздратенко с В. Черепковым, популярным в народе «некоррупционным» мэром Владивостока. С помощью «грязных» методов губернатору удалось устранить своего непримиримого оппонента. Считается, что Черепков выжил, отчасти благодаря его тесным связям с московскими покровителями [9, с. 262; 8, с. 18-19; и др.].

В более поздних исследованиях сделаны попытки выявить глубинные экономические корни битвы Наздратенко с Москвой. Р. Орттунг считает, что в основе этого противостояния было то, что приморский губернатор в союзе с местными деловыми кругами контролировал край, стараясь не допустить туда внешние бизнес-группы. Поэтому московская верхушка была заинтересована в смещении Наздратенко с должности. То, что не удалось первому президенту РФ, сделал второй. В 2001 г. В. Путин «убедил» Наздратенко подать в отставку, предложив ему заманчивое место в Москве и, возможно, в противном случае угрожая преследованием [6, с. 8].

К когорте «промышленников» принадлежал и бывший судостроитель В. Ишаев (Хабаровский край, был губернатором с 1991 по 2009 г.). Давая ему характеристику, С. Дэвис отмечает его стабильное политическое влияние и высокую популярность в крае. Хотя сам он заявлял, что работает в направлении здоровой рыночной экономики и активизации иностранных инвестиций, на самом деле, по мнению автора, его действия и политика свидетельствовали о том, что он предпочитал возросшую роль государства в экономике.

При этом он также устранил всю оппозицию в крае и с помощью запугивания и арестов журналистов обуздал средства массовой информации [3, с. 76].

Введенные в середине 1990-х гг. выборы губернаторов внесли разнообразие в состав правящего слоя на Дальнем Востоке. Дэвис приводит срез губернаторского пула в регионе на начало 2000-х годов, показывая, что народные мандаты получали приверженцы разных политических партий, в том числе коммунисты - журналист Л. Коротков (Амурская область) и партийный функционер М. Машковцев (Камчатская область). Второй раз выиграли выборы активные члены партии В. Черномырдина «Наш дом Россия» - инженер-строитель Н. Волков (Еврейская автономная область, руководил областью с 1991 по 2010 г.) и экономист, мэр г. Южно-Сахалинска И. Фархутдинов (Сахалинская область). Были избраны и «промышленники», ставшие к тому времени крупными собственниками. Это В. Логинов в Корякском автономном округе (драгоценные металлы), С. Дарькин в Приморском крае (лизинг, рыбная промышленность, судостроение, банк «Приморье»), В. Цветков в Магаданской области (несколько компаний), В. Штыров в Якутии (алмазы) [3, с. 38-53].

Не осталось без внимания аналитиков, что Приморский край после ухода Наздратенко не изменил свою репутацию криминального региона. Р. Орттунг, С. Дэвис и др. приводят как широко известный факт, что избранные в 2001 г. губернатор С. Дарькин и в 2004 г. мэр Владивостока В. Николаев были тесно связаны с преступным миром. Тем не менее президент вновь назначил Дарькина на тот же пост, когда отменил выборы губернаторов. Орттунг считает, что власти активно участвовали также в продвижении Николаева. Исследователь выдвигает несколько причин такого развития событий. Прежде всего, в лице Дарькина Кремль получил более податливого губернатора, чем его предшественник. Во-вторых, Дарькин открыл ворота в региональную экономику крупному российскому бизнесу. Московские фирмы быстро вошли сюда и оттеснили интересы многих местных бизнесменов, в частности, в сырьевых отраслях, внешней и розничной торговле. По мнению исследователя, это и было главной целью Путина при перестройке федеральной системы. И, наконец, автор называет Россию «растущим полицейским государством», где гораздо легче управлять теми людьми, на кого имеется компромат. Из всего этого делается вывод: политическая система Владивостока (и в более широком значении России) свидетельствовала о том, что шло слияние криминальной, деловой и политической власти в стране, а преступные группы пытались узаконить свои криминальные доходы через политическую систему [6, с. 9, 10].

Особое место в ряду дальневосточной политической элиты занимает губернатор Чукотки Р. Абрамович, один из трех «ресурсных олигархов» (вместе с Б. Золотаревым в Эвенкии и А. Хлопонинным на Таймыре), одержавших сокрушительную победу на губернаторских региональных выборах 2000 г. Аналитики оценили их вступление в должность как «административную революцию», переход к новому типу региональной власти - корпоративному, при котором законодательная, исполнительная и финансовая власть концентрируется в руках представителей крупной ресурсной корпорации, «размывая лицо государственной администрации» [14, с. 137-138; 15, с. 105;]. Британский антрополог Д. Андерсон считает это новым воплощением неокOLONиализма [15, с. 107-108].

Эти три губернатора являли собой образец новой фигуры во власти - «молодые, богатые, образованные, элитные, имевшие прямой интерес не только к реструктуризации накопления богатства для своих акционеров, но также прикладной интерес к изменению формы самого государства» [15, с. 104].

Р. Абрамович представлял большую нефтяную корпорацию «Сибнефть», развивающую, по словам Н. Томпсона, «дерзкий новый тип организации по образцу западных методов управления, которые были благосклонны к идее акционерных отношений, далеких от непрозрачного мира российского капитализма 1990-х годов». Второй по богатству российский олигарх с огромным воодушевлением был избран избирателями. Многие комментаторы считали, что он «купил» голоса чукотских жителей большими выплатами на их социальные нужды. Однако, по мнению Н. Томпсона, выборы Абрамовича могут быть поняты как приход богатого чужака, изолированного от влияния местных патронажных

сетей, воплощающего идеологию западных инноваций и обещающего облегчение страданий населения в противовес «наглому равнодушию клики Назарова к гуманитарной катастрофе в регионе» [14, с. 143].

Исследователи выявили общие характеристики модели «корпоративного» управления. Каждый из олигархов привел с собой команду администраторов, состоящую из таких же, как они сами, молодых амбициозных сотрудников своих компаний, которые работали в регионах «вахтовым методом». Так, на выборах 2001 г. в Таймырскую думу победителями без исключения стали кандидаты, поставленные Норильск-Никелем и Норильским Газпромом. «После выборов, - пишет Д. Андерсен, - кажется, единственной разницей между исполнительной властью, которой наделена губернаторская должность, и законодательной властью Думы стала разница между никелем и газом» [15, с. 106-108].

К. Томпсон описывает аналогичный процесс на Чукотке: «Набранная из крупнейших в России и самых богатых городов команда Абрамовича намеренно состояла из молодых людей, не имевших личного опыта советской жизни. Нынешняя администрация округа сильно похожа на филиал офиса штаб-квартиры "Сибнефти" в Москве. Сотрудники курсируют между Москвой и Анадырем на зафрахтованных самолетах, проводя временами по две или три недели на Севере, и большая часть административного бизнеса фактически управляется из комплекса офисов ... в центре Москвы». Для них Чукотка была местом работы, а их жизнь оставалась на материке. Расставленные по административным учреждениям Чукотки сотрудники Абрамовича поддерживали строгое отделение от местного сообщества. Намерение состояло в том, чтобы подчинить предварительно существовавшие структуры власти, особенно на уровне областной администрации, специалистам, воплощающим ценности и привычки новой модели бизнес-культуры Абрамовича [14, с. 144].

Команда нового губернатора выдвинула амбициозную программу модернизации Чукотки. Абрамович тратил более 200 млн долл. в год на выплату заработной платы и задолженности, построил новую инфраструктуру и основал множество социальных инициатив, подтверждая, по словам Н. Томпсона, более широкую тенденцию «благожелательного олигархического либерализма», обнаруженного на Таймыре и в других областях русского Севера. Вместе с тем исследователь отметил специфическую направленность этой «благожелательности», обращенную только к коренным малочисленным народам. Крупные инвестиции потекли в традиционную местную экономику и на восстановление поселений аборигенов. В отношении же тысяч жителей, завезенных на Чукотку в советские годы из других районов страны, проводилась политика переселения обратно на материк и закрытия «неперспективных населенных пунктов» в целях экономии средств на субсидии из федерального казначейства, что называлось администраторами «избавлением Чукотки от человеческого балласта» [14, с. 137, 138].

Этнографические исследования Н. Томпсона неожиданно выявили широкое распространение враждебного отношения к такой программе модернизации среди постоянных некоренных жителей Чукотки, считавших ее своей родиной и не желавших переселяться. Они страстно оспаривали идею о том, что термин «местный» должен относиться только к туземцам [14, с. 138].

Губернаторство Р. Абрамовича на Чукотке завершилось в 2008 г., с течением лет сменились и другие руководители краев и областей Дальнего Востока, упомянутые в данной статье. Политические процессы в регионе продолжают развиваться и обретают новые очертания как с точки зрения внутренних нюансов, так и центр-периферийных отношений. К сожалению, с середины 2000-х годов англоязычные авторы практически охладели к этой проблематике и переключили свое внимание на внешнюю политику России в Азиатско-Тихоокеанском регионе, специфику которой принято называть «разворотом на восток» [16; 17; и др.].

Таким образом, в англоязычной историографии современной внутривосточной истории Дальнего Востока России отчетливо выделяется период 1990-х - начала 2000-х годов, который соответствует и хронологии изучаемых процессов, то есть практически шло их научное осмысление в режиме реального времени. Это накладывало свои ограни-

чения на постановку проблем, выделение аспектов, глубину их анализа, использованные источники, что во многом было характерно и для соответствующей отечественной историографии. Ряд позиций англоязычных авторов носят дискуссионный характер, в работах присутствуют и некоторые тенденциозные оценки. В целом можно сказать, что в данной научной области проработан лишь поверхностный слой проблематики с анализом наиболее ярко проявившихся явлений и тенденций.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Чернолуцкая Е.Н. Перестройка и перспективы развития российского Дальнего Востока в американской историографии // В зеркале Перестройки: к осмыслению российской трансформации: сб. науч. статей. - Владивосток: ИИАЭ ДВО РАН, 2015. - С. 54-64.
2. Russia's Far East: a Region at Risk / ed. by J. Thornton and Ch. E. Ziegler. - Seattle; London: The National bureau of Asian research, 2002. - 498 p.
3. Davis S. The Russian Far East. The Last Frontier? - London; New-York: Routledge, 2003. - 155 p.
4. Collective Security in Space Asian Perspectives / ed. by J.M. Logsdon and J.C. Moltz. - Washington: G. Washington University Press, 2008. - 145 p.
5. Сайт "Foreign Policy Research Institute". - URL: <https://www.fpri.org/contributor/felix-chang-2/> (дата обращения: 21.05.2018).
6. Russia in Asia - Asia in Russia: Energy, Economics, and Regional Relations (conference proceeding) / ed. by F.J. Dresen // Occasional paper № 292. - Washington: Kennan Institute and Asia Program, Woodrow Wilson International Center for Scholars, 2004. - 101 p.
7. Galeotti M. Russia's Far East - Russian or Eastern? // IBRU Boundary and Security Bulletin. - 1998. Spring. - Pp. 61-68.
8. Valliant R. Political dimension // Politics and Economics in the Russian Far East. Changing Ties with Asia-Pacific / ed. by Tsuneo Akaha. - London; New-York: Routledge, 1997. - Pp. 3-22.
9. Chang F.K. The Unraveling of Russia's Far Eastern Power // Orbis. - 1999. - Vol. 43 (2). - Pp. 257-284.
10. Burgess M. Between a Rock and a Hard Place. The Russian Federation in Comparative Perspective // Federalism and Local Politics in Russia / ed. by C. Ross, A. Campbell. - London; New-York: Routledge, 2009. - Pp. 25-53.
11. Chang F.K. The Russian Far East's Endless Winter // Orbis. - 1999. - Vol. 43 (1). - Pp. 77-110.
12. Moltz J.C. Core and Periphery in the Evolving Russian Economy: Integration or Isolation of the Far East? // Post-Soviet Geography and Economics. - 1996. - № 37 (3). - Pp. 175-194.
13. Slider D. Putin and the Election of Regional Governors // Federalism and Local Politics in Russia / ed. by C. Ross, A. Campbell. - London; New-York: Routledge, 2009. - Pp. 106-119.
14. Thompson N. The Native Settler: Contesting Local Identities on Russia's Resource Frontier // Polar Geography. 2003. Vol. 27 (2). - Pp. 136-158. DOI: 10.1080/789610232
15. Anderson D. Entitlements, Identity and Time: Addressing Aboriginal Rights and Protection in Siberia's New Resource Colonies // People and the Land: Pathways to Reform in Post-Soviet Siberia / ed. by E. Kasten. - Berlin: Dietrich Reimer Verlag, 2002. - Pp. 99-123.
16. Klein M. Russia: A Euro-Pacific Power? Goals, Strategies and Perspectives of Moscow's East Asia Policy. - Berlin: SWP Research Paper, 2014. - 37 p.
17. Lee R., Lukin A. Russia's Far East: New Dynamics in Asia Pacific and Beyond. - Boulder: Lynne Rienner Publishers, 2015. - 276 p.

REFERENCES

1. Chernoluckaya E.N. Perestrojka i perspektivy razvitiya rossijskogo Dal'nego Vostoka v amerikanskoj istoriografii. [Perestroika and prospects of development of the Russian Far East in American historiography]. V zerkale Perestrojki: k osmysleniyu rossijskoj transformacii: sb. nauch. statej. Vladivostok: IIAE FEB RAS, 2015, pp. 54-64. (in Russ.).
2. Thornton J. and Ziegler Ch. E. (eds.), Russia's Far East: a Region at Risk, Seattle, London: The National bureau of Asian research, 2002, 498 p.
3. Davis S., The Russian Far East. The Last Frontier?, London, New-York: Routledge, 2003, 155 p.
4. Logsdon J.M. and Moltz J.C. (eds.), Collective Security in Space Asian Perspectives, Washington: G. Washington University Press, 2008, 145 p.

5. Foreign Policy Research Institute, Available at: <https://www.fpri.org/contributor/felix-chang-2/> (accessed 5 May 2018)
6. Dresen F.J. (ed.), *Russia in Asia - Asia in Russia: Energy, Economics, and Regional Relations* (conference proceeding), Occasional paper № 292, Washington: Kennan Institute and Asia Program, Woodrow Wilson International Center for Scholars, 2004, 101 p.
7. Galeotti M. *Russia's Far East - Russian or Eastern?* (1998), IBRU Boundary and Security Bulletin, Spring, pp. 61-68.
8. Valliant R., *Political dimension*, in: Tsuneo Akaha (ed.) *Politics and Economics in the Russian Far East. Changing Ties with Asia-Pacific*, London, New-York: Routledge, 1997, pp. 3-22.
9. Chang F.K., *The Unraveling of Russia's Far Eastern Power* (1999), *Orbis*, 43 (2), pp. 257-284.
10. Burgess M., *Between a Rock and a Hard Place. The Russian Federation in Comparative Perspective*, in: Ross C. and Campbell A. (eds), *Federalism and Local Politics in Russia*, London, New-York: Routledge, 2009, pp. 25-53.
11. Chang F.K., *The Russian Far East's Endless Winter* (1999), *Orbis*, 43 (1), pp. 77-110.
12. Moltz J.C., *Core and Periphery in the Evolving Russian Economy: Integration or Isolation of the Far East?* (1996) *Post-Soviet Geography and Economics*, 37 (3), pp. 175-194.
13. Slider D., *Putin and the Election of Regional Governors*, in: Ross C. and Campbell A. (eds.), *Federalism and Local Politics in Russia*, London, New-York: Routledge, 2009, pp. 106-119.
14. Thompson N., *The Native Settler: Contesting Local Identities on Russia's Resource Frontier* (2003) *Polar Geography*, 27 (2), pp. 136-158. DOI: 10.1080/789610232
15. Anderson D., *Entitlements, Identity and Time: Addressing Aboriginal Rights and Protection in Siberia's New Resource Colonies*, in: Kasten E. (ed.), *People and the Land: Pathways to Reform in Post-Soviet Siberia*, Berlin: Dietrich Reimer Verlag, 2002, pp. 99-123.
16. Klein M., *Russia: A Euro-Pacific Power? Goals, Strategies and Perspectives of Moscow's East Asia Policy*, Berlin: SWP Research Paper, 2014. 37 p.
17. Lee R., Lukin A., *Russia's Far East: New Dynamics in Asia Pacific and Beyond*, Boulder: Lynne Rienner Publishers, 2015. 276 p.

Информация об авторе:

Чернолуцкая Елена Николаевна, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела социально-политических исследований, Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока, Дальневосточное отделение РАН
г. Владивосток, Россия
chvalery@mail.ru

Получена: 07.05.2018

Для цитирования: Чернолуцкая Е.Н. Англоязычная историография о политических трансформациях на Дальнем Востоке России в 1990 - начале 2000-х гг. Историческая и социально-образовательная мысль. 2018. Том. 10. № 3-1. с.114-123.
doi: 10.17748/2075-9908-2018-10-3/1-114-123

Information about the author:

Elena N. Chernolutskaia, Doctor of Historical Sciences, Leading Researcher, Department of Social and Political Studies, Institute of History, Archaeology and Ethnology of the Peoples of the Far East, Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences,
Vladivostok, Russia
chvalery@mail.ru

Received: 07.05.2018

For citation: Chernolutskaia E.N. English language historiography on political transformations in the Russian Far East in the 1990s – early 2000s. Historical and Social-Educational Idea. 2018. Vol. 10. no.3-1. Pp. 114-123.
doi: 10.17748/2075-9908-2018-10-3/1-114-123. (in Russ)